

Петербургъ, 5 сентября 1840 г. 1).

„Ты говоришь, что тебѣ необходимо женское общество—и мнѣ оно необходимо, но вогъ уже больше году, какъ я не видалъ ни одной женщины. Что-то промелькнуло, было, мимо меня, да и скрылось такъ скоро, что я не успѣлъ и удостовериться—дѣйствительно ли это женственное существо. Оно оставило, впрочемъ, во мнѣ какое-то странное впечатлѣніе: я о немъ или совсѣмъ забываю, какъ будто его не было и нѣтъ на свѣтѣ, а если вспоминаю, мнѣ становится такъ хорошо, а мысль о встрѣчѣ съ нимъ приводитъ меня въ такой страхъ...”

„Да все равно, все это глупости, въ итогѣ которыхъ—нуль. Ахъ, Боткинъ, ты не можешь себѣ и вообразить, какъ я измѣнился. Нѣкогда ты упрекалъ меня въ недостаткѣ *Entsagung*: его и теперь нѣтъ, но вмѣсто его явилось презрѣніе, какое-то недоувѣріе къ тѣмъ благамъ, которыхъ такъ мучительно еще недавно жаждала душа моя. Придутъ сами—ништо, попробуемъ, вѣдь надо же чѣмъ-нибудь занимать себя, живучи на бѣломъ свѣтѣ: не придутъ—чортъ съ ними, не о чѣмъ жалѣть, вѣдь все глупо и ничтожно, и всякій нуль равенъ нулю.

„...Я въ томъ разнюсь отъ тебя, что дымъ называю дымомъ, не стою за нашъ вѣкъ, за который ты ратуешь съ такимъ донъ-кихотскимъ задоромъ! Другъ, это все слова и фразы, это тотъ дымъ, которымъ испарилась наша молодость. Ты переживаешь себя, заживо умираешь, а все по старой привычкѣ кричишь о разумности жизни. Если какой-нибудь гегелианецъ (кажется, Фрауэнштетъ), подкапываясь подъ основанія гегелизма, доходитъ до результата, что мысль (которую мы приняли на критеріумъ бытія) насъ надуваетъ, надѣвая на наши глаза очки, сквозь которые мы видимъ все какъ ей угодно, а не какъ должно,—и восклицаетъ съ отчаяніемъ: „спасите меня, погибаю“,—такъ намъ ли, о, Боткинъ, не вопить, или, по крайней мѣрѣ, намъ ли защищать дѣйствительность, если она, столь безконечно могущественнѣйшая насъ, такъ плохо защищаетъ сама себя? Что до личнаго безсмертія,—какія бы ни были причины, удаляющія тебя отъ этого вопроса и дѣлающія тебя равнодушнымъ къ нему,—погоди, придетъ время, не то запоешь. Увидишь, что этотъ вопросъ—альфа и омега истины, и что въ его рѣшеніи—наше искупленіе. Я плюю на философію, которая потому только съ презрѣніемъ прошла мимо этого вопроса, что не въ силахъ была рѣшить его. Гегель не благоволилъ ко всему фантастическому, какъ прямо противоположному опредѣленно-дѣйствительному. К-вѣ говорить, что это—ограниченность. Я съ нимъ согласенъ...”

„Ты говоришь, что вѣришь въ свое безсмертіе, но что же оно такое? Если оно и то и другое, и все, что угодно—и стаканъ съ квасомъ, и яблоко, и лошадь,—то я поздравляю тебя съ твоей вѣрой, но не хочу ея себѣ. У меня у самого есть поползновеніе вѣрить то тому, то другому, но нѣтъ силъ вѣрить, а хочется знать достоверно. Ты говоришь, что при извѣстии о смерти Станкевича тебя вдругъ охватилъ вопросъ: что же стало съ нимъ? А развѣ это пустой вопросъ? Развѣ безъ его рѣшенія возможно примиреніе? Если такъ, то ты не любишь Станкевича и еще ни разу не терялъ любимаго человѣка. Нѣтъ, я такъ не отста-

ну отъ этого Молоха, котораго философія назвала *Общимъ*, и буду спрашивать у него: куда дѣлъ ты его и что съ нимъ стало? Ты говоришь—страшна потеря любимаго человѣка! А почему страшна она? Потому что она—потеря, потому что ужъ нѣтъ и не будетъ больше потеряннаго. А должно ли въ жизни быть что-либо страшное? Если смерть человѣка не страшна тебѣ, значитъ, ты не любишь его; если ты любилъ его—она страшна тебѣ, а что страхъ—откуда онъ, изъ разумности или случайности? Ты говоришь, ради Бога, станемъ гнать отъ себя разсудочныя рефлексіи о *тамъ*, о будущей жизни, какъ понапрасну мѣшающія настоящему, его силѣ и жизни. Прекрасно, но гдѣ достойность того, что эти рефлексіи—разсудочныя, а не разумныя? Потомъ, я хочу прямо смотрѣть въ глаза всякому страху и ничего не гнать отъ себя, но ко всему подходить. Наконецъ: что даетъ тебѣ настоящее, которому (по старой привычкѣ) приписываешь ты силу и жизнь? Что даетъ оно тебѣ? *дымъ фантазій*? Сражайся за него, ратуй елико возможно и не замѣчай, какъ злобно издѣвается оно надъ тобою...”

„...Бѣдный Кольцовъ, какъ глубоко страдаетъ онъ. Его письмо потрясло мою душу. Все благородное страждетъ—одни скоты блаженствуютъ, но тѣ и другіе равно умрутъ: таково вѣчный законъ Разума. Ай да разум! Какъ пріѣдетъ въ Москву Кольцовъ, скажи, чтобы тотчасъ же увѣдомилъ меня, а если поѣдетъ въ Питеръ, чтобы прямо ко мнѣ и искалъ бы меня на Васильевскомъ острову (слѣдуетъ адресъ)... У меня теперь большая квартира, и намъ съ нимъ будетъ просторно...”

Петербургъ, 30 декабря 1840 г. 1)

30 декабря 1840 г. 2). „Спасибо тебѣ, друже, за письмо—я даже испугался, увидѣвъ такое толстое посланіе, которое совсѣмъ не въ духѣ твоей лѣности...”

„Все, что написалъ ты о Гете и Шиллерѣ—прекрасно, и много пояснило мнѣ насчетъ этихъ двухъ чудаконъ. Признаться ли тебѣ въ грѣхъ... о Шиллерѣ не могу и думать, не задыхаясь, а къ Гете начинаю чувствовать родъ ненависти, и, ей-Богу, у меня рука не подыметъ противъ Менцеля; хотя сей мужъ и попрежнему остается въ глазахъ моихъ идиотомъ. Боже мой—какіе прыжки, какіе зигзаги въ развитіи! Страшно думать!

„Да, я созналъ, наконецъ, свое родство съ Шиллеромъ, я—кость отъ костей его, плоть отъ плоти его,—и если что должно и можетъ интересоваться меня въ жизни и въ исторіи, такъ это—онъ, который созданъ, чтобы быть моимъ богомъ, моимъ кумиромъ,—ибо онъ есть высшій и благороднѣйшій мой идеалъ человѣка. Но довольно объ этомъ. Отъ Шиллера перехожу къ Полевому...”

„Нѣтъ, никогда не раскаюсь я въ моихъ нападкахъ на Полевого, никогда не признаю ихъ ни несправедливыми, ни преувеличенными...”

15 января 1841 г. (продолженіе). 3).

„...Теперь о второмъ пунктѣ твоего письма—о Катковѣ. Признаюсь, огоршилъ ты меня!

1) Большая доля этого письма (очень длиннаго) занята разсказомъ и опредѣленіемъ личныхъ отношеній Бѣлинскаго къ Боткину, Кетчеру и Каткову. (*Пытливъ*, А. «Бѣлинскій», т. II, стр. 86—92).
2) Письмо начато 30 декабря 1840 года и кончено въ концѣ января 1841 года.
3) *Невѣдѣнскій*. «Катковъ и его время», стр. 64—66.